

УДК 930.85

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.02

Могилевский Николай Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Москва, Россия

e-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-3186-6256

«НЕ ЕДИНОМЫШЛЕННИК, НО ИДЕЙНЫЙ СОЮЗНИК»? Н. Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ И МАРКСИЗМ

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. в России шла бурная общественная дискуссия о роли капитализма в развитии страны. В ней основными оппонентами по отношению друг к другу выступали народники, отрицавшие неотвратимость капитализма, и марксисты, убежденные в его неизбежности. Один из популярных писателей и публицистов той эпохи — Н. Г. Гарин-Михайловский — сначала разделял идеи народников, но затем, разуверившись в них, начал сочувствовать их противникам. В советской историографии Гарина (хотя и с оговорками, что до конца всей «глубины и верности» учения Маркса – Ленина он не понял) однозначно причисляли к марксистам, причем к сторонникам его радикального, революционного, течения. Для этого имелись основания: Гарин-Михайловский поддерживал деньгами первую в России легальную марксистскую газету «Самарский вестник», а потом перечислял немалые суммы на нужды РСДРП. Однако подобная трактовка взглядов писателя представляется как минимум упрощенной, как максимум — неверной. Герой этой статьи действительно сочувствовал марксизму, но при этом отрицал основные его положения, связанные с насилием и революцией, уповая на мирный, эволюционный потенциал учения. Увлечение Гарина следует признать вполне типичным для среды интеллигенции того времени: недаром другим примером в этом роде служит М. Горький. Точно так же и часть российской деловой элиты (в частности, С. И. Морозов) поддерживала марксистов, видя в них силу, которая сметет все средневековые социально-экономические и политические пережитки и выведет Россию на дорогу прогресса.

Ключевые слова: Н. Г. Гарин-Михайловский, народничество, марксизм, легальный марксизм, «Самарский вестник», Горький, Струве, Савва Морозов.

Mogilevskii Nikolai A.

Candidate of Historical Science, Associate Professor
Moscow State Institute of International Relations (University)
Moscow, Russia
e-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-3186-6256

**“NOT A LIKE-MINDED PERSON,
BUT AN IDEOLOGICAL ALLY”?****N. G. GARIN-MIKHAILOVSKY AND MARXISM**

Abstract. At the turn of the XIX–XX centuries. in Russia there was a stormy public discussion about the role of capitalism in the development of the country. In it, the main opponents in relation to each other were the Narodniks, who denied the inevitability of capitalism, and the Marxists, who were convinced of its inevitability. One of the most popular writers and publicists of that era — N. G. Garin-Mikhailovsky — at first he shared the ideas of the populists, but then, having lost faith in them, began to sympathize with their opponents. In Soviet historiography, Garin (albeit with reservations that he did not fully understand the entire “depth and fidelity” of the teachings of Marx – Lenin) was unequivocally ranked among the Marxists — and among the supporters of its radical, revolutionary movement. There were grounds for this: Garin-Mikhailovsky supported the first legal Marxist newspaper in Russia, *Samarsky Vestnik*, with money, and then transferred considerable sums to the needs of the RSDLP. However, such an interpretation of the writer’s views seems to be at least simplified, at the most incorrect. The hero of this article really sympathized with Marxism, but at the same time denied its main provisions related to violence and revolutions, relying on the peaceful, evolutionary potential of the doctrine.

Garin’s enthusiasm should be recognized as quite typical for the milieu of the then intelligentsia — it is not for nothing that M. Gorky serves as another example of this kind. In the same way, a part of the Russian business elite (in particular, S. I. Morozov) supported the Marxists, seeing in them a force that would sweep away all medieval socio-economic and political vestiges and lead Russia onto the road of progress.

Keywords: N. G. Garin-Mikhailovsky, populism, Marxism, legal Marxism, *Samara Vestnik*, Gorky, Struve, Savva Morozov.

Введение. Наступление капитализма во всех сферах общественной жизни в последнее десятилетие XIX столетия воспринималось и крестьянами, и представителями интеллигенции как угроза традиционному укладу русской жизни, за которым должен был последовать, по их мнению, крах страны.

Как это часто бывает в российских реалиях, вопрос, изначально социально-экономический, довольно быстро стал предметом спора философского и даже политического. Защитниками «крестьянского» пути развития страны выступали прежде всего умеренные народники (получившие в исторической литературе наименование либеральных). Их оппонентами стали первые русские марксисты, выступавшие за развитие капитализма, в недрах которого затем, как они надеялись, вызреет социализм.

Некоторые представители интеллигенции, стоявшие изначально на позициях вполне народнических, затем в силу различных причин поменяли свою точку зрения коренным образом. Именно такой мировоззренческий разворот проделал герой этой статьи — писатель, публицист и инженер-путеец Николай Георгиевич Гарин-Михайловский. Популярный при жизни, после смерти он для советской власти стал одним из символов перехода передовой интеллигенции на марксистские позиции. Подчеркивая его симпатии к РСДРП, дружбу с Горьким и финансовую помощь партии, советские исследователи творчества Гарина предпочитали не обращать внимания на факты, которые в эту концепцию не вписывались (ради справедливости отмечу, что и в советский период¹, и в наши дни² Гариным занимались только филологи, но не историки). Между тем большое количество документов — архивных и опубликованных — позволяют усомниться в столь однозначной оценке мировоззренческой позиции Гарина-Михайловского. Более глубокое изучение этого вопроса позволит понять, почему многие передовые общественные деятели, писатели, ученые и даже представители деловых кругов видели в марксизме благотворную и подходящую для России того времени теорию.

В частности, ниже будут рассмотрены следующие проблемы: можно ли считать Н. Г. Гарина-Михайловского «правоверным марксистом» (в исконном советском понимании)? Были ли у него противоречия с марксистами, если да, то в чем они заключались? Наконец, насколько типичными (или уникальными) были взгляды Гарина для людей его поколения и его круга?

Неудавшийся народник. В 1882 г. бывший инженер-путеец Н. Г. Михайловский, не выдержав беззастенчивого воровства в железнодорожном строительстве, подал в отставку и купил имение Гундоровка в Самарской губернии. Так он сделался сельским хозяином. Опыта практического у него не было, зато была энергия, смётка и огромное желание. Бывшего инженера совершенно не пугали поджидавшие впереди серьезные трудности, а манили не только возможные выгоды, но и соображения гуманистического характера: «У людей под руками неисчерпаемые богатства в лице природы, а почти вся их деятельность направлена не на эксплуатацию этой природы, а на вымогательство у более слабого. <...> Мне и хотелось помочь людям стать на надлежащий путь, хотелось помочь им перенести центр тяжести борьбы за существование на природу»³.

¹ Миронов Г. М. Поэт нетерпеливого созидания: Н. Г. Гарин-Михайловский: Жизнь. Творчество. Общественная деятельность. М.: Наука, 1965. 159 с.; Юдина И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность. Л.: Наука, 1969. 238 с.; Гордович К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский и писатели-современники: учеб. пособие по спецкурсу. Хабаровск: Хабаровский ГПИ, 1984. 136 с.

² Гордович К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество: монография. СПб.: Retroniv, 2014. 311 с.; Евпак Е. В. Значимые места в семейной летописи Гариных-Михайловских: Россия, эмиграция // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6 (62). С. 256–259.

³ Гарин-Михайловский Н. Г. Несколько лет в деревне // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Очерки и рассказы. 1888–1895. М.: Гослитиздат, 1957. С. 18–19.

Планы экономические были смелыми и широкими. Но не меньше внимания Гарин уделял и социальной стороне дела: ему хотелось изменить сложившуюся на селе систему общественных отношений. Программа была проста — «восстановление общины, уничтожение кулаков»⁴. Все эти идеи воплощали главные принципы народников, веривших в особый путь развития России, где главной социальной силой является крестьянство.

Вполне предсказуемо инициатива Гарина окончилась полным крахом и едва не привела его к полному разорению. С одной стороны, новому хозяину Гундоровки пришлось выдержать самую настоящую войну с местными кулаками, увидевшими в нем серьезного конкурента. С другой — бывшему инженеру-путейцу так и не удалось расшевелить основную массу крестьян, сломать косность и затверделость их сознания, убедить использовать новые методы в обработке земли. Начиная хозяйствовать в Гундоровке с твердой верой в самодержавие и честный труд на благо народа, Гарин вскоре разочаровался в исходных посылах: самодержавие (и местная власть) никак не помогало, народ (крестьяне) и вовсе встретил его в штыки. Жизнь тем самым отвергла теоретические построения: следовательно, теория была неверна — рассудил Николай Георгиевич.

Для нашей темы очень важно отметить, что общественно-политические взгляды Гарина-Михайловского формировались исключительно под влиянием непосредственных впечатлений от увиденного. «Предпочитаешь наблюдать, анализировать, обобщать, делать выводы и проверять их жизнью», — излагал позднее свое кредо Гарин⁵. А его сын напоминал: «Не надо забывать, что мой отец принадлежал к реалистическому направлению в русской литературе, и этот реализм был основной чертой его характера и всей его жизни»⁶.

«Сельскохозяйственная деятельность, обнаружившая полную несостоятельность народнических упований на крестьянскую общину, убедила Гарина-Михайловского в том, что не у народников нужно искать “точку опоры”»⁷. Так описывали советские исследователи идеологический разворот нашего героя второй половины 1880-х гг. Приходилось, правда, затем объяснить, почему разочаровавшийся в народничестве Гарин стал основным инициатором создания и, главное, спонсором народнического журнала «Русское богатство». Версии были разные: согласно первой, Гарину-писателю хотелось иметь собственный журнал, где он мог бы печататься (первая публикация

⁴ Гарин-Михайловский Н. Г. В сутолоке провинциальной жизни // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Очерки и рассказы. 1895–1906. М.: Гослитиздат, 1958. С. 333.

⁵ Гарин-Михайловский Н. Г. К современным событиям // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову: Вокруг света. Корейские сказки. Сказки для детей. Пьесы. Воспоминания, статьи. 1894–1906. М.: Гослитиздат, 1958. С. 671.

⁶ Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России»: авторизованная машинопись // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10298. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

⁷ Юдина И. М. Указ. соч. С. 19.

его самой знаменитой вещи — «Детство Тёмы» — состоялась именно в «Русском богатстве»⁸; по второй — он, хотя и давал деньги на издание, но не был «соратником и единомышленником» главного редактора журнала (лидера народников Н. К. Михайловского)⁹.

Действительно, с верой в крестьянскую общину Гарин после нескольких лет в деревне распрощался. Но не отказался от главного своего убеждения: «Он твердо верил, что всякое зло в жизни устранимо, что счастье уготовано человечеству и будет его уделом — надо только работать над его достижением»¹⁰. «Работать над его достижением» можно было в деревне, уповая на крестьянскую общину, как делали народники, или на экономический прогресс и промышленность, возлагая надежды на пролетариат как на главную преобразующую силу общества. Железные дороги были лучшей иллюстрацией прихода новых времен, наглядной иллюстрацией наступившей эпохи «стали и пара». Инженер-путеец Гарин-Михайловский, безусловно, верил в технический прогресс и был убежден, что только благодаря промышленному прогрессу произойдет развитие общественно-политическое, при котором исчезнут все (или хотя бы многие) язвы русской жизни. Николай Георгиевич самой логикой своей профессии был обречен на симпатии к новому учению, ставившему во главу прогресса экономику. Так Гарин начал постепенно сближаться с представителями марксизма.

«Легальные» марксисты против народников. В лагере марксистов выделялось к тому моменту два направления — легальное и радикальное. Стронников первого было большинство. Именно их голоса звучали наиболее убедительно в общественной полемике, ведущейся на страницах периодических изданий, призывая не слушать старых «сказок народников» о крестьянской общине и поверить, что иного пути, кроме капиталистического, у России нет. Как ни парадоксально на первый взгляд существование марксистов, ратовавших за капитализм, на самом деле никакого противоречия в этом не было.

«Капитализм, как эксплуатация человека человеком, зло с точки зрения наших идеалов. <...> Но капитализм, как и все, имеет свое *достаточное* основание, для понимания которого таких категорий, как добро и зло, *недостаточно*. <...> Капитализм разрушает так называемые “устой”, но это удастся ему только потому, что “устой” никуда негодны и сами разваливаются. Словом, капитализм развивается потому, что он, при данных условиях, есть единственная, возможная форма подъема производительных сил страны; а такого подъема, не говоря уже о расширении потребностей, требует рост населения», — писал крупнейший легальный марксист той эпохи П. Б. Струве¹¹.

⁸ Миронов Г. М. Указ. соч. С. 73.

⁹ Юдина И. М. Указ. соч. С. 53.

¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1046. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 9.

¹¹ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. С. 287.

Сочинения Струве стали важной вехой в дискуссии марксистов с народниками: ими зачитывалась вся тогдашняя образованная публика. «Вышла книжка Струве и делает много шуму в провинции. Не пройдет и нескольких лет, как теория экономическая (т. е. марксизм. — *Н. М.*) займет в России (в сознании) настолько доминирующее положение, что о разных “нутряках”, “субъективистах”, народниках-самобытниках и народниках-западниках и речи не будет», — писал в октябре 1894 г. из Гундоровки Гарин журналисту-народнику А. И. Иванчику-Писареву¹². Действительно, идеи легальных марксистов приобретали все больше последователей как в столице, так и в провинции. Разумеется, народники без боя своих позиций сдавать не собирались, но убеждения их оппонентов были явно более современными¹³. В соответствии с ними капитализм рассматривался как необходимая, но временная стадия общественного развития, в недрах которой должен вызреть социализм, способный смести своего предшественника с арены истории.

Среди сторонников марксизма были не только публицисты, социологи и студенческая молодежь, но и представители русских деловых кругов. Чем можно было объяснить тот факт, что промышленники и фабриканты поддерживали идеи легальных марксистов? Неужели они не понимали грозившей им опасности?

Ответ на этот вопрос можно свести к двум тезисам. Во-первых, легальные марксисты, в отличие от марксистов радикальных (чьими лидерами были Г. В. Плеханов и В. И. Ульянов), рассматривали капитализм как «конечную остановку» на пути человеческого прогресса. Признавая экономическую теорию Маркса, они не разделяли ее революционной идеи, но выступали за реформирование буржуазного общества и демократические свободы. Во-вторых, тогдашнее купечество поддержало марксизм не из-за «инстинкта самоуничтожения», «безграничной наивности» или «слепоты», а вполне осознанно, потому что в ту пору марксизм был синонимом прогресса.

В неизданных воспоминаниях о Максиме Горьком сын Н. Г. Гарина-Михайловского, Георгий Николаевич, писал: «Пикантность заключается в том, что в 1890-х годах марксизм был идеологическим другом капитализма. Тогдашние первые марксисты говорили, что “наилучшим революционером является капитал”, он разрушает вековые патриархально-феодалные отношения и одинаково революционизирует город и деревню... <...> Мало того, первые марксисты стояли на почве аполитизма, они говорили: “Мы защищаем интересы экономические рабочего класса — форма правления царский абсолютизм или демократическая республика для нас безразлична”. Отсюда царское правительство в начале марксистского движения его тоже косвенно поддерживало

¹² Гарин-Михайловский Г. Н. Сочинения / [сост., вступ. ст., примеч. Г. М. Миронова, Л. Г. Миронова]. М.: Советская Россия, 1986. С. 365.

¹³ О полемике Н. К. Михайловского с марксистами см.: Горев Б. И. Николай Константинович Михайловский: Его жизнь, литературная деятельность и мирозерцание. М.: ОГИЗ: Молодая гвардия, 1931. С. 65–87.

(“Зубатовщина”). <...> До какой степени царское правительство относилось вначале благожелательно к марксизму, видно из того, что один из теоретиков марксизма — приват-доцент Петербургского университета В. В. Святловский — управлял всеми делами одного из членов императорской фамилии, великого князя Александра Георгиевича, герцога Лейхтенбергского. Министерство народного просвещения находило его слишком “левым”, чтобы ему дать кафедру политической экономии... Само собой разумеется, и он был в чине статского советника»¹⁴.

Таким образом, ничего удивительного в популярности идей легальных марксистов не было. Конечно, марксисты радикальные упрекали их в излишней мягкотелости и либерализме, в забвении идей Маркса о социализме как высшем общественном строе. Но даже Ленин, критикуя Струве, признавал важность его работы: «Названная книга г. Струве представляет из себя систематическую критику народничества... Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книге выдающийся интерес...»¹⁵

Марксизм как новое увлечение. После провала эксперимента в Гундоровке, а особенно вследствие личного знакомства с русским крестьянством, Гарину стало очевидно, что теории народников — это вчерашний день и что крестьянская община никогда не станет «локомотивом прогресса». По-прежнему рассматривая народников как главных заступников крестьян, он не верил, что им удастся найти достойный ответ на вызовы современности. «Буду без конца рад, если ошибусь, но думается мне, что приступаем мы со всем усердием и жаром к заготовке во веки веков не разрушающихся мумий. Утешение здесь одно: хорошая мумия лучше все-таки разложившегося трупа в лице князя Мещерского (издатель крайне правого журнала «Гражданин». — *Н. М.*), открыто заявившего, что конечная цель — восстановление крепостничества», — писал Гарин жене в ноябре 1892 г.¹⁶ Деликатность ситуации заключалась в том, что, как уже было сказано, при активном участии и отчасти на деньги Н. Г. Гарина-Михайловского выходил главный орган либерального народничества — журнал «Русское богатство». Участвовать в таком издании, не веря в народнические идеалы, было по крайней мере нелогично. Гарин, человек практический, понимал, что его отношения с «Русским богатством» и главным его редактором, виднейшим народником Н. К. Михайловским («Не родственник нам, но однофамилец», — пояснял сын Гарина¹⁷), обречены.

¹⁴ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком»: авторизованная машинопись // ГАРФ. Ф. 10298. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

¹⁵ Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) // Сочинения. 4-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1941. С. 319.

¹⁶ Письма одного года: Из писем Н. Г. Гарина-Михайловского к Н. В. Михайловской. Публикация и комментарии И. Юдиной // Сибирские огни. 1966. № 12. С. 153.

¹⁷ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 4.

Разрыв с «Русским богатством» случился не вдруг: был он постепенным, даже, можно сказать, плавным. Гарин, понимая, что разница во взглядах с Н. К. Михайловским мешает и литературному творчеству, хотел уйти из журнала. Видный народник удивлялся: «Вы желаете расстаться мирно, без злобы и гнева. <...> Но я не вижу причин расставаться. <...> Если же Вы говорите о прекращении Вашего сотрудничества, то я не понимаю, зачем ставить точку, да еще с шумом и треском. <...> захотите — дадите что-нибудь, не захотите — не дадите. Почему бы и на будущее время не быть тому же?»¹⁸. Но эти уговоры не подействовали: Н. Г. Гарин-Михайловский нешуточно увлекся марксизмом, народничество осталось в прошлом.

Где именно Гарин впервые ознакомился с марксистскими идеями — вопрос открытый. Видная исследовательница творчества писателя И. М. Юдина предполагала, что это случилось или в столице, или в Самаре. «Петербург, куда часто наезжал Гарин, был центром рабочего движения, формирования и развития русской социал-демократии, — пишет она. — Марксистские кружки возникали и в Самаре, где часто бывал Гарин в 1893–1895 гг. в связи со своими железнодорожными изысканиями...»¹⁹

По версии самарского краеведа А. А. Галяшина, «Манифест коммунистической партии» Гарину дал прочитать М. А. Сильвин — студент Петербургского университета, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (одного из первых русских марксистских кружков); кстати сказать, это был личный экземпляр лидера кружка Владимира Ульянова. Сам Сильвин был домашним учителем в семье Гарина, а также (формально) управляющим Гундоровкой²⁰. Галяшин приводит и другую интересную подробность: к Сильвину, когда тот жил в Царском Селе у Гарина, приезжали «праздновать пасху» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — Ульянов, Крупская и другие²¹. Гарин с семьей действительно продолжительное время жил в Царском Селе, о чем интересно вспоминал его сын Георгий: жили «полупомещичьей жизнью, снимали особняк, держали собственных лошадей из нашего имения в Самарской губернии»²². Правда, ни о каких приездах Ульянова, Крупской и других «товарищей» Георгий Николаевич не упоминает.

Впрочем, не так уж важно, где Н. Г. Гарин-Михайловский познакомился с марксистскими идеями: куда важнее, что он увидел в них отражение собственного опыта и жизненных представлений. Максим Горький, размышляя об увлечении Гарина марксизмом, предполагал: «Я думаю, что он считал себя марксистом, потому что был инженером. Его привлекала активность учения

¹⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 82. Литературный музей. К. XXVI. Ед. хр. 8/4. Л. 1–2.

¹⁹ Юдина И. М. Указ. соч. С. 54.

²⁰ Галяшин А. А. Гарин-Михайловский в Самарской губернии. Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. С. 112, 114.

²¹ Там же. С. 115.

²² Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России». Л. 4.

Маркса... Марков план реорганизации мира восхищал его своей широтой, будущее он представлял себе как грандиозную коллективную работу, исполняемую всей массой человечества, освобожденного от крепких пут классовой государственности»²³.

Подобно легальным марксистам, Гарин, восхищаясь мощью капитализма как экономического строя, яростно протестовал против порождаемого им социального неравенства. «Да, здесь (в художественно-промышленном отделе Всероссийской выставки 1896 г. — *Н. М.*) видишь силу нашего века, страшную необоримую силу, бесповоротно направляющую всю нашу жизнь. Воочию здесь страшный капиталистический строй со всеми плюсами и минусами его. Где он, там, правда, царство капитала, но культурного, и потому с ним и самосознание»²⁴. Вера в крестьянина уступила в сознании нашего героя место вере в облагораживающую роль капитала, который выглядел силой, способной уничтожить все средневековые, феодальные по своему духу препоны (а их в русской жизни хватало) и сделать жизнь всего общества лучше и легче. Для этого необходимо было как можно шире пропагандировать идеи Маркса, а делать это легально было практически невозможно. Основать газету с «марксистским направлением» под оком вездесущей цензуры казалось задачей невозможной — но не для нашего героя.

Гарин и «Самарский вестник». Имение Гундоровка, хотя и не принесло никакой прибыли, но оставалось в собственности Гарина до 1903 г., поэтому и сам Гарин, и его домочадцы частенько приезжали в Самару. Тогда это был город вполне заурядный, хоть и зажиточный: торговля хлебом и другими товарами велась в нем бойко. Гарин с первых своих дней в Самаре сделался едва ли не душой местного общества. «Он переехал из имения в Самару, тогда довольно захудалый провинциальный город. Там, сняв один из лучших домов, он начал вести великосветский образ жизни, губернатор Свербеев стал его лучшим другом, а с ним и вся аристократия местная бывала “запросто” и на «вечерах моего отца», на его журфиксах, балах-маскарадах...», — вспоминал позже сын писателя²⁵. Однако вращением только в высших кругах Самары Гарин не ограничился.

На политической карте Российской империи 1890-х тихая, сонная, провинциальная Самара была важной точкой. Именно там проживали «на покое», но под негласным надзором полиции бывшие участники «Народной воли». Кроме того, в городе возникали небольшие нелегальные кружки из студентов, читавших, обсуждавших и распространявших неподцензурную литературу. Правда, в основном кружки эти были народническими, а сторонники марксизма появлялись в Самаре поодиночке.

Одним из них оказался молодой и мало кому тогда известный В. И. Ульянов, служивший с конца января 1892 г. помощником присяжного поверенного

²³ Горький М. О Гарине-Михайловском // Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминания современников / сост. И. М. Юдина. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 145.

²⁴ Гарин-Михайловский Н. Г. На выставке // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. С. 664.

²⁵ Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России». Л. 6.

в Самарском окружном суде. По словам одной из биографий будущего «вождя мирового пролетариата»: «... Не адвокатская работа занимала Ленина. Вся его энергия и силы были направлены на изучение марксизма, на подготовку к активной революционной деятельности»²⁶. Так что, хотя Ленин в августе 1893 г. уехал с берегов Волги в Петербург («Ленина тянуло на простор революционной работы, в крупный промышленный центр, туда, где были сосредоточены большие массы пролетариата»²⁷), Самара и после его отъезда служила центром притяжения для сторонников Маркса.

Самарские неофиты того времени были в основном приверженцами легального марксизма, т. е. признавали положительную роль капитализма, в силу которой он сможет вывести Россию на новый уровень развития. Советские исследователи творчества Н. Г. Гарина-Михайловского неизменно утверждали, что он пострадал из-за своего неполного знакомства с учением Маркса. Дескать, тогда «подлинный революционный марксизм был глубоко загнан в подполье, и сведения о нем многие представители интеллигенции черпали главным образом из “оппортунистических писаний” так называемых “легальных марксистов”» — Гарин попался в эту ловушку, «принимая Струве за марксиста»²⁸.

Эти оговорки понятны и объяснимы. В Советском Союзе мог быть только единственный «правильный» вариант марксизма — ленинский (даже не марксовский). Все остальные объявлялись ересью с соответствующими выводами. Но многочисленные источники (собственные письма и статьи нашего героя, воспоминания знавших его тогда близко людей) упрямо свидетельствуют, что Н. Г. Гарин-Михайловский последовательно придерживался именно легального марксизма, а революционный, скорее, отвергал. Перейдем к доказательствам.

«Не став последовательным сторонником марксизма (! — *Н. М.*), Гарин-Михайловский оказал неоценимые услуги русским марксистам в их борьбе с народничеством и пропаганде их идей, в организации их печатных органов», — констатировал один из советских биографов писателя²⁹. За этой довольно неуклюжей фразой скрывается знаменитый факт биографии Гарина: благодаря его стараниям, энергии и, разумеется, деньгам в течение полугода (октябрь 1896-го – март 1897-го) издавался «Самарский вестник» — первый марксистский журнал в России. Про участие Гарина в «Самарском вестнике» написано много³⁰. Но для нас важна не финансовая или непосредственно издательская сторона дела, а содержательная, состоявшая в следующем: убеждения Гарина были несколько иными, нежели у его товарищей по редакции. Иллюстрировать это расхождение можно рассказом А. А. Санина, единственного из членов редакции «Самарского вестника», оставившего воспоминания о том периоде.

²⁶ Владимир Ильич Ленин: Биография / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1963. С. 16.

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ Юдина И. М. Указ. соч. С. 56–57; см. также: Миронов Г. М. Указ. соч. С. 86–87.

²⁹ Миронов Г. М. Указ. соч. С. 84.

³⁰ Там же. С. 85–89; Юдина И. М. Указ. соч. С. 117–128.

Санин и его товарищи-марксисты (Р. Э. Циммерман, П. П. Маслов и В. В. Португалов) сразу признали в Гарине, «этом талантливом писателе», «не единомышленника, конечно, но во всяком случае идейного союзника»³¹. Союз этот, настаивал Санин, был ситуативным, сложившимся исключительно для того, чтобы (по словам Гарина) дать «исповедание веры» противонародническое». Гарин не скрывал, что для него марксизм — это прежде всего Струве: недаром он соглашался внести деньги на «Самарский вестник» только на условии, что «газете даст свое имя Петр Бернгардович [Струве] и еще кто-нибудь из петербуржцев»³².

Санин с сожалением констатировал, что Гарин «марксистом никогда не был (! — *Н. М.*) и на первых порах имел о марксизме превратное представление, отождествляя его со струвизмом. Недоразумение не замедлило прорваться наружу, и произошло столкновение, едва не убившее в зародыше будущую марксистскую газету». «Столкновение» произошло на одном из совещаний в редакции, на котором Гарин произнес пламенную речь, суть которой сводилась к призыву идти самим и звать других «на выучку к капитализму» (дословно повторив тем самым призыв Струве). Слушавшим Гарина сотрудникам редакции — марксистам революционного толка, — по словам Санина, было не по себе. «Не из-за того, конечно, мы, солдаты революции, лезли в огонь, калечили свою молодую жизнь, чтобы расчистить путь торжествующему капиталу», — негодовал Санин. Финал сцены был таков: Санин непроизвольно улыбнулся «в самом патетическом» месте речи Гарина, тот заметил эту улыбку, смешался («сразу осекся, вдохновение его потухло»), хотел было ответить на улыбку новой эскападой слов, но все зашумели, встали и разошлись. Именно после этого Н. Г. Гарин-Михайловский, по словам Санина, «болезненно почувствовал, какая пропасть лежит между ним и нами»³³.

Самое любопытное, что эта размолвка в редакции, после которой Санин ожидал закрытия журнала («если Гарин пайщиком не будет, то без него и другие пайщики не захотят ввязываться в дело»), никаких видимых организационных последствий не имела. Гарин деньги дал наряду с другими пайщиками, которые все «очень далеки от марксизма, и, несомненно, Гарин — дальше всех. Прочие просто не понимали, не знали, а Гарин, после того памятного редакционного заседания, в общих чертах знал, понимал и — отрицал»³⁴. Отметим этот факт: не разделяя вполне идей радикальных марксистов, хотя в чем-то и сочувствуя им (Гарин обмолвился как-то Санину, что «эти взгляды и стремления я понимаю, но, в силу моего социального положения, не могу разделять»³⁵), наш герой при этом готов был оказывать самую разнообразную помощь своим временным союзникам и готов был идти ради них на риск.

³¹ Санин А. А. «Самарский вестник» (1896–1897 гг.). М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. С. 43.

³² Там же. С. 21.

³³ Там же. С. 45, 46, 47.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же. С. 62.

Никто не мог и заподозрить, что уважаемый, успешный и хорошо известный в высших кругах столицы железнодорожный инженер Н. Г. Гарин-Михайловский в своем самарском имении укрывает подпольщиков. «Н. Г. всегда глубоко возмущался несправедливостью самодержавной власти и, как мог — деньгами, приютом политических, снабжением литературой и пр., — принимал участие в деле освобождения», — писал А. В. Воскресенский³⁶. Ему вторит дочь Гарина-Михайловского: «В годы реакции у нас в Гундоровке скрывались политические. Помню хорошо, как на пчельнике у Воскресенского А. В. (учитель начальной школы Гундоровки и инструктор по пчеловодству. — *Н. М.*) жил Санин Ал. Ал.³⁷ Он долгие месяцы скрывался, в какой-то хибарке, в такой глуши, что ни один жандарм не нашел!»³⁸.

Сын писателя Георгий рассказывал об этом так: «Мы, дети, с детства слышали слово “марксист”, его не понимая. Мы были твердо уверены, что “марксист” — это синоним “разбойника”, потому что мой отец любил укрывать в своем имении “марксистов”, скрывавшихся от полиции. Нам, детям, было сказано, что при чужих людях надо говорить, что это наши “гувернёры”, хотя у нас была бонна немка, а с нашими “гувернёрами” мы избегали оставаться наедине, ибо мы знали, что их ищет полиция, а известно, что полиция ищет только подозрительную публику... Эти “марксисты” жили не у нас в усадьбе, а на пчельнике в двух верстах, но там они ночевали, а обычно день проводили в усадьбе. В конце концов мой отец перестал оказывать опасное гостеприимство, так как один из этих “гувернёров” наших встретился однажды с внезапно приехавшими к нам судебным следователем — тоже другом отца... Встреча прошла благополучно, и даже “гувернёр” очень понравился судебному следователю, не подозревавшему, что говорит с государственным преступником, которого надо было бы немедленно арестовать... Мой отец, однако, после этого случая очистил имение от “марксистов”, чему мы, дети, очень обрадовались»³⁹.

Укрывательство нелегалов, хранение запрещенной литературы (по словам того же Воскресенского, на пчельнике прятали журнал «Искра», «который нам привозил или присылал Н. Г. [Гарин-Михайловский]»⁴⁰), помощь революционерам деньгами (А. А. Санина, например, Гарин на свои деньги «снарядил» за границу, где и потом некоторое время поддерживал⁴¹) — все это делало Гарина как бы революционером.

Это было тем удивительнее, что в глазах многих его коллег и друзей Гарин был образцом истинного русского барина (в литературных кругах иронизировали:

³⁶ Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминания современников. С. 119.

³⁷ Об этом см.: Санин А. А. Указ. соч. С. 44–45.

³⁸ Архив Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького (АСЛМ). КП-1750 (Письмо Н. Н. Субботиной от 30.11.1956). Л. 3 (нумерация моя. — *Н. М.*).

³⁹ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 4.

⁴⁰ Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминания современников. С. 119.

⁴¹ Санин А. А. Указ. соч. С. 45.

«Кто из нас барин?» — «Писатель Гарин»⁴²), человеком, возвращавшимся в высших сферах. Сбивало с толку его знакомство с императорской фамилией (он дважды был на докладе у Николая, причем царь явно остался доволен общением⁴³), его связи и обширная переписка (среди корреспондентов Гарина — великие князья Владимир Александрович и Александр Михайлович, императорские министры, губернаторы, предприниматели), наконец, сама его внешность («тонкое лицо, украшенное холёной бородкой, красивый лоб под седоватыми волосами и удивительно молодые глаза»⁴⁴). Казалось, такой человек никак не может быть сторонником революционного марксизма.

Успевший хорошо узнать Гарина за время издания «Самарского вестника», А. А. Санин подмечал: «Его коробило, как аристократа, когда ему говорили, что он “буржуа”, но ему претило только само название, потому что от него пахнет “чумазым”, по существу же он признавал себя именно буржуа»⁴⁵. При этом Гарин был не простой буржуа, а из тех, кто умел увлекаться идеей, не представлял своей жизни без борьбы и риска, без движения и энергии. «Он любил риск и борьбу, он жил ими, и в марксизме его пленяла именно стихия борьбы»⁴⁶. В конце XIX в. именно марксизм, как казалось, воплощал в себе эту созидательную энергию, поток, который сметет все рудиментарное не только в экономике и социальной сфере, но и в головах и душах людей, обновит и переустроит быт. Марксизм означал прогресс, а Гарин-Михайловский был убежденным певцом и рыцарем прогресса.

Финансовая помощь крайним марксистам и идейные расхождения.

Во имя прогресса Гарину не было жаль никаких денег. Немаловажной составляющей его помощи социал-демократам (РСДРП) были финансовые пожертвования. Он переводил на нужды партии огромные суммы, делая это через Л. Б. Красина и М. М. Литвинова. Сохранился рассказ дочери Гарина, как она с мужем везла из Харбина, где в 1905 г. по делам службы находился ее отец, 25 тыс. рублей на «дело революции». Гарин поручил встретиться с Горьким и передать деньги ему. Так и ехала молодая женщина с этой огромной суммой через всю страну, вместе с солдатами с фронта, ночами бодрствуя по очереди с мужем на протяжении всех двух недель дороги. По приезде в столицу они обменяли в банке деньги на золото («получился большой, тяжелый мешок») и отвезли на квартиру Горького, который лично принял деньги, поблагодарил и, смеясь, сказал: «Расписки не дам!» Эти деньги затем через Литвинова ушли в подпольную организацию большевиков⁴⁷. Делалось это, разумеется, в глубокой тайне. Если бы финансовая помощь нелегалам стала известна полиции, Гарину грозили крупные неприятности.

⁴² Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России». Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 7–10.

⁴⁴ Горький М. О Гарине-Михайловском. С. 133.

⁴⁵ Санин А. А. Указ. соч. С. 62.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Гарин-Михайловский Н. Г. Проза. Воспоминания современников / [сост., вступ. ст. и коммент. Г. М. Миронова, Л. Г. Миронова]. М.: Правда, 1988. С. 534.

Огласки, правда, избежать не удалось, но случилось это уже после смерти Николая Георгиевича: «сдали» умершего свои же — Анатолий Луначарский и Максим Горький. Первый на похоронах Гарина-Михайловского сказал: «О многих сторонах деятельности покойного сейчас рано говорить, но придет время и о них расскажет история...» Г. Н. Гарин-Михайловский писал: «“Тайна” эта, однако, была приоткрыта петербургской прокуратурой за несколько дней до смерти отца. Он был обвинен в “финансировании нелегальной революционной организации русской социал-демократической партии”. К жалобе был приложен один экземпляр заграничного бюллетеня Центрального комитета РСДРП, издаваемого Горьким. В бюллетене было напечатано: “От писателя Н. Гарина поступило на нужды партии — 30 тысяч рублей...”» Видимо, негодовал Георгий Николаевич, «Горький, находясь на своем благодатном Капри под волшебным солнцем Италии и наслаждаясь всеми прелестями тогда еще свободного демократического режима, очевидно, совершенно забыл о существовании такой мелочи, как прокуратура петроградской (тогда еще санкт-петербургской. — *Н. М.*) судебной палаты»⁴⁸.

Гарин познакомился с Горьким в той же Самаре в 1895 г., в доме Тейтеля. «Помню, особенно ярко, дом Тейтеля Якова Львовича. Это был исключительно интеллигентный и гостеприимный дом. Там встречалась вся интеллигенция Самары», — вспоминала в 1956 г. дочь писателя, Н. Н. Субботина⁴⁹. Самарский судебный следователь Я. Л. Тейтель, приглашавший в свой дом всех интересных людей города, был близким другом Гарина, который аттестовал его как человека «живого, с инициативой»⁵⁰. Таким приглашенным был приехавший в Самару молодой писатель Максим Горький, чье имя уже знала вся страна. Позднее Горький подробно опишет свою встречу с нашим героем, не скрывая теплых чувств к нему⁵¹. Гарин, в свою очередь, говорил о Горьком: «Крупный талант, имеющий счастье рассказывать о том, чего из современных писателей никто другой не видел, не знал и чего рассказать не может»⁵². Эту обоюдную симпатию писатели пронесли через всю жизнь. Помимо взаимного профессионального интереса и уважения была и еще одна сближающая тема, как отмечал сын Гарина-Михайловского: «Дружба моего отца с Горьким была больше, чем обычная дружба писателей, помимо общих интересов литературных и издательских, их соединял революционный марксизм, так как оба к нему принадлежали и по-разному его активно поддерживали»⁵³.

Финансовая помощь радикальным социал-демократам, как и симпатии к ним, не должна ни удивлять, ни вводить в заблуждение. Такую помощь оказывали в начале XX в. многие зажиточные и даже богатые люди. В этом отношении мне кажется уместной параллель между Н. Г. Гариным и знаменитым

⁴⁸ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 1–2.

⁴⁹ АСЛМ. КП-1750 (Письмо Н. Н. Субботиной от 30.11.1956). Л. 1. (нумерация моя. — *Н. М.*).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Горький М. О Гарине-Михайловском. С. 133–135.

⁵² Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 4.

⁵³ Там же. Л. 1.

фабрикантом С. И. Морозовым. Савва Морозов для многих современников был живым воплощением понятия «русский капитализм»: блестяще образованный, энергичный, умный и деятельный, он добивался успеха в любом деле, за которое брался. У Морозова в этом было много общего с Гариным, кроме того, на обоих оказал большое влияние Максим Горький.

Как и Гарин-Михайловский, Морозов искренне восхищался «буревестником революции», причем не столько как писателем, сколько как апостолом нового учения — марксизма. По словам В. И. Немировича-Данченко, Савва Морозов «мог страстно увлекаться. До влюбленности. Не женщиной — это у него большой роли не играло, а личностью, идеей, общественностью». В конце своей яркой и незаурядной жизни «самым громадным, всепоглощающим увлечением его был Максим Горький и, в дальнейшем, — революционное движение...»⁵⁴

И Морозов, и Гарин активно жертвовали деньги на нужды партии. Характерно, что, по свидетельству сына писателя, именно его отец свел главного казначея большевистской партии Красина (которого знал через Горького) с «финансовыми кругами московского купечества»⁵⁵. Если это так, то Гарин косвенно повлиял на судьбу Морозова: загадочная гибель последнего в Канадах ошеломила тогда весь мир, а некоторые современники уже тогда полагали (как и ряд современных исследователей), что Морозов не застрелился, а был убит — и именно Красиным⁵⁶.

Финансовая помощь большевикам (сторонникам революционного марксизма) не подразумевала, что Гарин изменил своим идеалам и представлениям. Напротив, он постоянно подчеркивал, что считает себя «эволюционистом и сторонником по возможности мирного, закономерного развития жизни»: «Слишком драгоценна кровь, и одинаково преступно проливать ее зачинщикам всех лагерей»⁵⁷. Это убеждение Гарин развивал в своей последней опубликованной статье «К современным событиям», написанной в январе 1906 г. и опубликованной в харбинской газете «Новый край». На Дальний Восток он прибыл в самом начале Русско-японской войны (в мае 1904 г.) одновременно в двух качествах — как действующий инженер и как корреспондент московской газеты «Новости дня».

Революционные волнения бурного 1905 г. коснулись Гарина: его избрали в Харбинский комитет, в существовании которого он «принимал деятельное участие», всей душой поддерживая социал-демократов. «Вся моя логика и все мои симпатии принадлежат социал-демократическому учению. Логика, потому что это единственное научно и логично обоснованное учение. Симпатия, потому что — что может быть выше общей, а не классовой любви к людям, выше

⁵⁴ Цит. по: Бурьшкин П. А. Москва купеческая. М.: Высшая школа, 1991. С. 128.

⁵⁵ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 2.

⁵⁶ См.: Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М.: Терра — Кн. клуб, 1999. С. 3–7.

⁵⁷ Цит. по: Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминания современников. С. 10.

братства в труде всех?»⁵⁸ Но при этом Гарин не забывал подчеркивать, что действует «в строго с. д. (социал-демократическом. — *Н. М.*) духе — без насилий и жертв»⁵⁹.

Задача социал-демократов, настаивал он, заключается в разумном и миролюбивом поведении, партия «теперь более, чем когда-либо, должна ограждать себя от ответственности за действия других крайних партий, как прогрессивных, так и радикальных»⁶⁰. Гарин был категорически против отправки в Россию «диких орд хулиганов, которые громят, насилуют, разбивают»⁶¹. Вообще, с его точки зрения, любое насилие, анархия «губительны для государства и общества»⁶².

Отвергая любую жестокость, Гарин-Михайловской признавал за революцией «только значение ланцета, своевременно взрезающего уже образовавшийся нарыв», настаивая на исключительно мирном, парламентском пути⁶³. Борьба революционная возможна лишь в самом крайнем случае, который не наступит, поскольку уже сформировалась база, на основании которой можно вести легальную борьбу: «В своем отвлечении, я все-таки полагаю, что возвещенные манифестом 17 октября (имеется в виду Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, подписанный императором 17 октября 1905 г. — *Н. М.*) свободы являются отныне незыблемой почвой, и не советовал бы ни себе, ни другим ни на мгновение забывать, что почва эта существует уже»⁶⁴. Гарин возлагал на манифест огромные надежды, полагая, что появится, наконец, «государственный и общественный деятель», который «на этой почве сумеет сохранить и не пролить драгоценную кровь своих граждан здесь, где она не должна больше быть пролита»⁶⁵.

Интересно, что в советской историографии взгляды Гарина той поры оценивали в целом положительно, хотя и снисходительно. Дескать, позиция его, конечно, несколько ограничена и двойственна, но в целом Гарин был на правильном пути, поскольку, «очевидно, не без влияния ленинских работ» (при этом никаких доказательств чтения Гариним работ Ленина не приводится) пришел к правильным выводам — не во всем, но во многом⁶⁶. Если же отбросить нелепые идеологические клише, то мысли Гарина, высказанные им в цитированной статье, следует признать органическим продолжением его понимания марксизма и социал-демократии.

Как и раньше, он полагал, что марксизм (и социал-демократия, соответственно) не может строиться на насилии. Как и прежде, он подчеркивал большую

⁵⁸ Гарин-Михайловский Н. Г. К современным событиям. С. 676.

⁵⁹ Цит. по: Юдина И. М. Указ. соч. С. 205.

⁶⁰ Гарин-Михайловский Н. Г. К современным событиям. С. 677.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 676.

⁶³ Там же. С. 674.

⁶⁴ Там же. С. 676.

⁶⁵ Там же. С. 678.

⁶⁶ Юдина И. М. Указ. соч. С. 206–209.

положительную роль капитализма («процесс капиталистического строя неизбежен и необходим»), доказывал, что раньше всех «к цели» (т. е. к построению социализма) придет «самый богатый экономически народ», потому что «только экономическая свобода вызывает неотложные потребности в других свободах: политических, религиозных и пр.»⁶⁷.

Тем самым можно констатировать, что Гарин по своим убеждениям был очень близок европейским социал-демократам. Недаром в статье «К современным событиям» он несколько раз упоминал лидера немецких социал-демократов Августа Бебеля — одного из основоположников социал-демократического парламентаризма, выступавшего за борьбу законными методами. Гарин-Михайловский полностью разделял эти идеи немецкого социалиста, которые были весьма далеки от представлений о марксизме и революции Ленина и его сторонников.

Заключение. Корреспондент газеты «Новое время» в некрологе о Н. Г. Гарине-Михайловском написал: «Для него золото не существовало. Он любил только труд»⁶⁸. Можно добавить: и верил в марксизм как в научную теорию, отрицал насилие и, как умел, «принимал маленькое участие в обновленной жизни России»⁶⁹. Общественно-политические взгляды Гарина следует признать вполне типичными для русской интеллигенции и деловых кругов конца XIX века.

Вера в научный и технический прогресс, признание за капитализмом огромной творческой, созидательной мощи, непринятие насилия и анархии, вера в будущую (правда, нескорую) победу социальной справедливости в масштабах всей планеты — все эти идеи разделяли с Гариным и другие представители русской интеллигенции и предпринимателей. Марксизм для них заключался в утверждении первоочередной роли труда и индустриального развития для успешного существования государства или, говоря короче, был синонимичен прогрессу. В советские времена Н. Г. Гарина-Михайловского записали в безоговорочные сторонники ленинского варианта марксизма, признав все остальные политически несостоятельными. В наше время открытие новых документов и критический пересмотр уже давно выявленных позволяет, избавившись от идеологических клише, точно установить, кто был «единомышленником» ленинскому варианту учения Маркса, кто «попутчиком», а кто и вовсе обладал собственным пониманием теории немецкого мыслителя.

Литература

1. Владимир Ильич Ленин: Биография / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1963. 703 с.
2. Галяшин А. А. Гарин-Михайловский в Самарской губернии. Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. 120 с.
3. Гордович К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский и писатели-современники: учеб. пособие по спецкурсу. Хабаровск: Хабаровский ГПИ, 1984. 136 с.

⁶⁷ Гарин-Михайловский Н. Г. К современным событиям. С. 674.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 1046. Оп. 2. Д. 4. Л. 2 об.

⁶⁹ Цит. по: Миронов Г. М. Указ. соч. С. 145.

4. Гордович К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский. Личность и творчество. СПб.: Петроний, 2014. 311 с.
5. Евпак Е. В. Значимые места в семейной летописи Гариных-Михайловских: Россия, эмиграция // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6 (62). С. 256–259.
6. Миронов Г. М. Поэт нетерпеливого созидания. Н. Г. Гарин-Михайловский. Жизнь. Творчество. Общественная деятельность. М.: Наука, 1965. 159 с. (Научно-популярная серия / Акад. наук СССР).
7. Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М.: Терра – Книжный клуб, 1999. 360 с.
8. Юдина И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 238 с.

References

1. Vladimir Il'ich Lenin: Biografiia [Vladimir Ilyich Lenin: Biography] / In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. 2-e izd. M.: Gospolitizdat, 1963. 703 s. (in Russ.)
2. Galiashin A. A. Garin-Mikhailovskii v Samarskoi gubernii [Garin-Mikhailovsky in Samara province]. Kuibyshev: Kn. izd-vo, 1979. 120 s.
3. Gordovich K. D. N. G. Garin-Mikhailovskii i pisateli-sovremenniki: ucheb. posobie po spetskursu [N. G. Garin-Mikhailovsky and contemporary writers: Tutorial on special course]. Khabarovsk: Khabarovskii GPI, 1984. 136 s.
4. Gordovich K. D. N. G. Garin-Mikhailovskii. Lichnost' i tvorchestvo [N. G. Garin-Mikhailovsky. Personality and creativity]. SPb.: Petronii, 2014. 311 s.
5. Evpak E. V. Znachimye mesta v semeinoi letopisi Garinykh-Mikhailovskikh: Rossiia, emigratsiia [Significant places in the Garin-Mikhailovsky family chronicle: Russia, emigration] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2-6 (62). S. 256–259.
6. Mironov G. M. Poet neterpelivogo sozidaniia. N. G. Garin-Mikhailovskii. Zhizn'. Tvorchestvo. Obshchestvennaia deiatel'nost' [Poet of impatient creation. N. G. Garin-Mikhailovsky. Life. Creation. Public activity]. M.: Nauka, 1965. 159 s. (Nauchno-populiarnaia seriia / Akad. nauk SSSR).
7. Fel'shtinskii Iu. G. Vozhdi v zakone [Leaders in law]. M.: Terra – Knizhnyi klub, 1999. 360 s.
8. Iudina I. M. N. G. Garin-Mikhailovskii: zhizn' i literaturno-obshchestvennaia deiatel'nost' [N. G. Garin-Mikhailovsky: life and literary and social activity] / AN SSSR, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom). L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1969. 238 s.